

И. М. СТАХОВСКИЙ

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПЕДАГОГ
К. Д. УШИНСКИЙ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЕГО
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ
(К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ 1870–1945)

Христианский Бог — Сама Истина¹

22 декабря 1870 года скончался великий русский народный педагог Константин Дмитриевич Ушинский. Он родился в г. Туле 19 февраля 1824 г., где отец его служил в казенной палате. Гимназию К. Д. Ушинский кончал в Новгород-Северске, куда переселился его отец, выйдя в отставку. По окончании гимназии Константин Дмитриевич поступил на юридический факультет Московского университета, где особенно сильное влияние оказали профессор-историк Грановский и юрист Редкин. И тот и другой излагали свой предмет с позиций гегелевской философии, рассматривавшей природу, общество и человеческую личность как различные формы проявлений Абсолютного Духа. Диалектический метод был глубоко усвоен Ушинским. В дальнейшем, во время пятилетнего пребывания за границей, он еще более расширил свое знакомство с ним и сохранил его, по-видимому, до конца своих дней. Так, в своем главном сводном сочинении «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» Ушинский писал: «Встречая в себе противоречия, сознание стремится или удалить их, или разрешить, то есть примирить, <...> а примирения часто бывают только кажущимися и временными и остаются лишь до тех пор, пока

¹ Ушинский 1894. С. 211.

человек не открывает противоречий в собственных своих примирениях, сравнивая их с другими понятиями или другими такими же примирениями, сделанными им в другой области мышления. <...> На этой особенности рассудочного процесса в человеческом сознании основывается известный диалектический прием Гегеля...»².

Ушинский хорошо видел противоречия идеи причины и идеи свободы, но никоим образом не становился на точку зрения тех, кто пытался доказать, что воля человека не свободна (например, Гегеля, Бентама, Милля, Вундта и философов-материалистов). В главе 47 «Антропологии» Ушинский писал: «Если всякое действие человека есть только правильное следствие прежде существовавшей причины, а эта ближайшая причина опять есть только следствие предыдущих, дальнейших, то таким образом мы неизбежно дойдем до положения, что вся жизнь человека, всякая мысль его и всякий поступок определены уже до мельчайшей подробности прежде его рождения на свет. <...> Но при таком взгляде всякая ответственность человека перед своей совестью, перед обществом и перед законом будет живым вымыслом...»³. Ушинский считал, что никакие опыты и наблюдения причинности явлений не смогут в каждом отдельном случае указать полную причину человеческих решений и поступков: ни в обстоятельствах, ни в телесном организме. «Даже материалистическое учение нашего времени, — писал Ушинский, имея в виду 60-е годы XIX века, — *отвергающее в теории*⁴ свободу воли человека, требует в то же время неограниченной свободы для каждой личности в жизни и строгой ответственности каждой перед обществом и общественной властью»⁵.

Другой идеей, вынесенной К. Д. Ушинским из его студенческих лет учения и в результате его исследований, была идея народности. Принцип народности в русской школе Ушинский защищал с неослабевавшей энергией, имея в виду предупредить механическое перенесение в Россию систем европейской педагогики и привлечь к делу воспитания народные силы, традиции и верования.

² Ушинский 1894. Гл. 46. С. 202–203.

³ Там же. Гл. 47. С. 204.

⁴ Курсив подлинника.

⁵ Там же. Гл. 47. С. 204

В понимании идеи народности Ушинский был далек и от понимания ее не только западниками, но также и славянофилами, а еще более от казенно-официальной теории самодержавия и народности, под которой понималось сохранение народного бесправия (или так называемого кустарного права) и господствующего положения не работающих классов. К. Д. Ушинский всегда понимал народность, во-первых, демократически, а во-вторых — христиански. В своей статье «Труд в его психическом и воспитательном значении», напечатанной в 1860 году, Ушинский пишет: «Труд, как мы его понимаем, есть такая свободная и согласная с христианскою нравственностью деятельность человека, на которую он решается, по безусловной необходимости ее, для достижения той или другой истинной человеческой цели в жизни»⁶. По мнению Ушинского, «труд истинный и непременно свободный, потому что другого труда нет и быть не может, имеет такое значение для жизни человека, что без него она теряет всю свою цену и все свое достоинство»⁷.

Труд составляет необходимое условие не только для развития человека, но даже для поддержки в нем той степени достоинства, которой он уже достиг, труд является основой семьи и общества. «Жена создана помощницей мужу, — пишет Ушинский в указанный выше статье. — Но в чем же она будет помогать ему, если он и сам ничего не делает?» Автор цитирует известный стих Екклезиаста: «*Есть мучительный недуг, его же видел под солнцем — богатство, хранимо от стяжания во злобу ему*»⁸ и призывает утверждать труд как в частном воспитании, так и в воспитании целого народа, как бы предвосхищая известные слова И. В. Сталина о том, что труд является делом общественной доблести и героизма. Заканчивая эту свою знаменитую статью, которая в посмертном издании «Антропологии» заменила заключительную часть ее, оставшуюся недописанной, К. Д. Ушинский пишет: «Так Господь начертал закон свободного труда и во внешней природе, и в самом человеке: в его теле, сердце и уме. Высылая чело-

⁶ Там же. Приложение. Труд в его психическом и воспитательном значении. С. 481–495.

⁷ Там же. С. 486.

⁸ * Еккл. 5, 12.

века на труд, Творец сделал труд необходимым условием физического, нравственного и умственного развития, и самое счастье и достоинство человека поставил в неизбежную зависимость от личного труда»⁹.

Окончив Московский университет с золотой медалью в 1845 году, имея от роду 21 год, Ушинский через год был утвержден исполняющим обязанности профессора юридических (тогда называвшихся «камеральными») наук в Ярославском лицее, где и преподавал политическую экономию, государственное право и историю права. В 1848 году он должен был оставить работу в лицее вместе со своим коллегой профессором Львовским вследствие принципиального несогласия суживать программу читаемых курсов и отдавать свои лекции на мелочную цензуру директора лицея, считая, что живое педагогическое дело нельзя связывать такими формальностями. Переехав в Петербург, Ушинский поступает на службу в департамент иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (так как хорошо владел иностранными языками) и в то же время ведет журналистскую работу в «Современнике» и «Библиотеке для чтения». Однако внутренняя склонность вернула Ушинского к педагогической деятельности. В 1854 году он был назначен преподавателем словесности и законоведения в Гатчинский сиротский институт ведомства императрицы Марии, а в 1859 году переведен инспектором классов (то есть заведующим учебной частью) Смольного института. Здесь были написаны им первые крупные педагогические статьи, говорившие о выдающихся теоретических взглядах автора на вопросы педагогики. В короткое время Ушинский стал знаменитым педагогом, выдающимся не только своими передовыми теоретическими воззрениями, но не в меньшей степени и педагогом практиком, и притом на всех ступенях школы. Блестящий профессор лицея оказался не менее талантливым преподавателем и организатором средней и начальной школы.

В 1861 году вышла его первая учебная книга «Детский мир»¹⁰, а в 1864 году первые два выпуска «Родного Слова»¹¹.

⁹ Ушинский 1894. Приложение. Труд в его психическом и воспитательном значении. С. 495.

¹⁰ * Ушинский К. Д. Детский мир и хрестоматия. СПб., ³⁹1904. 206 с.

¹¹ * Ср.: Ушинский К. Д. Родное слово: для детей мл. возраста: год первый: первая после азбуки книга для чтения. СПб., ⁴¹1912. IV, 86 с.

Вся педагогическая теория Ушинского построена на глубочайшем доверии к нравственной природе человека, носящей в себе образ Бога, к бесконечным возможностям совершенствовать человеческую, и в особенности детскую, личность. «Пока жив человек, он может изменяться и из глубочайшей бездны нравственного падения стать на высшую степень нравственного совершенства», — писал Ушинский в «Антропологии» (гл. 15. Нравственное и педагогическое значение привычек)¹² и далее прибавляет, что на этом принципе основывается законодательство всех цивилизованных народов и что этот принцип внесен в убеждения человечества именно христианством. Евангельскими примерами Ушинский доказывает, что сильные душевные потрясения, порывы духа, высокое одушевление истребляют одним ударом самые вредные наклонности, как бы сжигая своим пламенем всю прежнюю историю человека, чтобы начать новую жизнь, под новым знаменем Истины. В той же главе 15 «Антропологии» Ушинский пишет: «Евангелие представляет нам пример такого быстрого изменения души человеческой в одном из разбойников, распятых со Спасителем; если мы вникнем, какая сильная и глубокая душевная драма могла вызвать из уст разбойника, страдающего на кресте, его замечательные слова: *“Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем”*¹³, то поймем также и значение обращенных к нему слов Спасителя. Сильная душа нужна была для того, чтобы посреди мучений креста подумать не о себе, а о Другом, Кто страдал невинно, сознать законность своего наказания, всю глубину своего падения и все величие Другого»¹⁴. Снова возвращаясь к вопросу о свободе человеческой воли, Ушинский говорит, что «христианство, снимая с человека наследственный грех, внесло в человечество и в этом отношении великий и животворящий принцип личной свободы»¹⁵, и над человеком уже не тяготее ни первородный грех, ни неотразимая судьба древнего мира...

Ушинский считал, что христианство, сама личность Христа должна лежать в основе воспитания, что «христианский Бог есть Сама Исти-

¹² Ушинский 1894. Гл. 15. С. 32.

¹³ * Лк. 23, 42.

¹⁴ Ушинский 1894. Гл. 15. С. 32

¹⁵ Там же. Гл. 15. С. 33 (примеч. 2).

на». Пересматривая (в главе 46 части 2 «Антропологии») цели человеческого существования, стремлений к счастью, в частности, теорию эвдемонизма, Ушинский решительно отвергает личное счастье как цель жизни. Оно отвергается уже началами общности, ибо народ, общество, класс требует счастья сограждан, а в жертву общему требует приносить и счастье личное. Но Ушинский на этом не останавливается в понимании жизненных задач человека. По его мнению, ни начало общности, ни начало государственности «решительно не может держаться в мире христианском после того, как христианство самую личность человека, его душу сделало целью всей истории человечества». После этого великого переворота всякое общество, всякое государство, даже всякий союз государств существуют только ради личности человека и в ней одной находят разумное оправдание своего существования. Христианство, говорит Ушинский, «поставило идеалом для человека такую Личность, Которая живет, действует, страдает и умирает в мучениях, не имея целью никаких личных наслаждений, только увлекаемая любовью к человеку и человечеству...»¹⁶. Дурно понял бы христианство тот, кто принял бы главным его двигателем ожидание будущего блаженства или страх наказания. «Главным двигателем героев христианства (мучеников, подвижников и т. д.) было вовсе не ожидание будущего блаженства и страх будущих мучений, но любовь к Учителю и любовь к человеку и человечеству. <...> Они просто увлекались деятельностью, которой отдались всей душой, отдались потому, что полюбили ее в лице своего Великого Образа»¹⁷.

Обосновывая (в главе 49 «Антропологии») свой взгляд о необходимости введения в учебные программы средней школы курса естествознания, Ушинский совершенно справедливо отмечает, что было бы бессмысленно бояться естествознания как проводника материалистических убеждений. «Это, — говорит Ушинский, — только слабодушное недоверие к истине и ее источнику — Творцу природы и души человеческой. Истина не может быть вредна: это одно из самых священных убеждений человека, и воспитатель, в котором поколебалось это

¹⁶ Там же. Ч. 2. Гл. 46. С. 434–435.

¹⁷ Там же. Ч. 2. Гл. 46. С. 435.

убеждение, должен оставить дело воспитания. <...> *Христианский Бог — Сама Истина* (курсив мой. — И. С.)».

По какому-то роковому недоразумению консервативные элементы Смольного института сумели добиться увольнения Ушинского именно по обвинению в безбожии. Вторая половина обвинений касалась политических убеждений К. Д. Ушинского, и в этом его недруги были правы: он был и до конца своих дней оставался последовательным демократом.

В 1862 году Ушинский должен был оставить работу в Смольном институте и, по командировке своего ведомства и по желанию императрицы Марии Александровны (жены Александра II), отправился в заграничную поездку для изучения опыта передовых европейских стран и для составления учебника педагогики для старших классов женских институтов. Убедившись, что краткие учебники педагогики не могут принести существенной пользы, Ушинский принялся за составление трехтомной педагогической энциклопедии под названием «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии».

Предпринятая Ушинским разработка основ педагогической науки должна была выяснить психологические основы педагогической работы, заложить фундамент педагогической теории. Ушинский добросовестно взвешивал шансы идеализма и материализма; оставаясь последовательным дуалистом во взглядах на человеческую природу, он допускал принципиально примирение его в некотором монизме, бесконечности, как пересекаются в бесконечности параллельные линии. В одном месте (в 15-й главе «Антропологии») он говорит, что «разобрав внимательно разнообразные явления памяти, мы увидим, что в этих явлениях принадлежит душе и что телу, которые Творец так связал между собою, что они во все течение нашей земной жизни (курсив мой. — И. С.) работают вместе и тысячеобразно переплетают свои влияния в тех психофизических явлениях, которые физиологи изучают с одной стороны, а психологи — с другой»¹⁸. В другом месте «Антропологии» (гл. 39) Ушинский говорит: «Творец, соединивши нашу

¹⁸ Там же. Гл. 16. С. 49.

душу с движениями нервной системы, соединил нас и с движениями всей Своей вселенной, и наш внутренний опыт предшествует всякому математическому знанию»¹⁹. Приводя соображения психолога Лотце, Ушинский допускал, что эта «противоположность между телесным и душевным бытием не есть что-нибудь окончательное и непримиримое, но в деле воспитания надо оправляться от фактов и опыта, опираясь на то, что есть, а не на то, что было бы лишь желательным видеть» (курсив в оригинале). Высказывая убеждение, что воспитатель должен смотреть на жизнь скорее с той высоты, с которой смотрели на нее величайшие ее знатоки (Гомер, Данте, Шекспир и Гёте), Ушинский решительно оставался при убеждении, что «дуалистическое воззрение на человека надо признать единственно возможным и полезным для педагога»²⁰.

В довершение педагогической характеристики К. Д. Ушинского нужно отметить, что он был образцовый семьянин, горячо любивший своих близких. Если великий теоретик воспитания Руссо разбросал своих пятерых детей по детским приютам и никогда даже не справлялся о них (как он сам пишет в своей «Исповеди»²¹), если другой великий теоретик педагогики Песталоцци не мог навести удовлетворительный порядок у себя в классе (так что Наполеон I, посетивший

школу Песталоцци, усомнился в его педагогических способностях)²², то великий русский педагог К. Д. Ушинский был равно велик и в своих теоретических высказываниях, и в своей практической деятельности на посту профессора высшей школы, руководителя средней школы и организатора начальной, горячо любящим отцом в своей семье. Когда неожиданно погиб от несчастного случая его старший сын, это было таким ударом для К. Д., который окончательно добил его организм, и без того надломленный огромным умственным и нервным напряжением внутренней работы и тягостями жизни в условиях самодержавного государства и дворянского общества.

22 декабря 1870 года он скончался в Одессе, оставив нам громадное теоретическое наследство и прекрасный образ человека, педагога, ученого и христианина.

¹⁹ Там же. Гл. 39. С. 167.

²⁰ Там же. Гл. 48. С. 205.

²¹ Своих детей, а всего их было пятеро, Руссо счел уместным отдать в воспитательный дом. Он говорил, что у него нет средств для их полноценного пропитания, тем более, что и они в свою очередь могли бы сильно обременить его и лишить возможности заниматься делами. — *Примеч. ред.*

²² Песталоцци был среди избранных кантонами депутатов, направленных в 1802 г. к Наполеону для решения вопросов о государственном устройстве Гельветической республики. Перед отъездом в Париж Песталоцци напечатал брошюру под заглавием: «Взгляды на предметы, которые главным образом должно иметь в виду законодательство Гельветии». В брошюре этой проводится мысль, что без широкого развития дела народного образования никакое государственное устройство не может служить основой благоденствия страны, следовательно, прежде всего и главнее всего надо позаботиться о правильной постановке народного образования, которое должно быть доступно всем детям. Активность Песталоцци вызвала неудовольствие и раздражение Наполеона, сравнивавшего его с иезуитом, результатом чего стал арест педагога (правда, непродолжительный) и закрытие Бургдорфского института. — *Примеч. ред.*